

1

Он представлял себе эту поездку иначе. Для него было не впервой ехать на стройку за границу. В Индии он строил плотину в верховьях Ганга, в Персии — опреснитель морской воды, который в то время считался чудом техники. Камински вообще мало времени проводил дома — он называл это свободой. Если бы он занимался одним и тем же делом, да еще и на одном и том же месте, то сошел бы с ума от скуки или состарился вдвое быстрее. А так, несмотря на свои сорок пять, Камински выглядел довольно молодо. Постоянно работая на открытом воздухе, он загорел, а благодаря короткой стрижке был похож на мускулистого бычка. Именно такой тип мужчин нравится женщинам, что ему иногда порядком докучало.

Нет, Абу-Симбел он представлял себе совсем по-другому: заброшенный поселок в пустыне, захудалый оазис, окруженный со всех сторон нескончаемыми песчаными просторами, медленное течение сдерживаемого плотиной Нила, деревянные бараки у берега, грунтовые дороги, которые грузовики расчищают после каждой песчаной бури. Рядом с поселком — какая-нибудь столовая, крытая гофрированными листами железа, столы и скамейки из грубо струганных досок, за которыми мужчины при свете газовых фонарей пропивают ползарплаты. Так было в Индии, да и в Персии все было точно так же: по сути, строительные площадки везде одинаковы.

— Удивлены? — рассмеялся Лундхольм, заметив растерянный взгляд Камински. В казино не было свободных мест. Ночь.

Камински кивнул.

— Черт возьми! И это посреди пустыни. Черт возьми! — повторил он опять.

Лундхольм, швед по национальности, должен был ознакомиться только что приехавшего Камински с объектами совместного предприятия «Абу-Симбел». Он, как и Камински, работал инженером-строителем. Им предстояло проработать вместе два с половиной года. В отличие от Камински, который был типичным немцем, Лундхольм не был похож на шведа. Небольшой рост, полнота и кудрявая черная ше-велюра выдавали в нем итальянские корни.

— В Индии было ужасно... — нерешительно начал Камински. — В Персии мы жили в низких каменных лачугах. К тому же каждую ночь приходилось отбиваться от крыс.

— Зато здесь есть скорпионы, — ответил Лундхольм и добавил: — Но, если честно, мне еще ни один не встретился.

— А как насчет змей?

Лундхольм пожал плечами. «Абу-Симбел» был для него первым зарубежным проектом. До этого он строил только мосты в Швеции для «Сканска» — фирмы, участвующей в совместном предприятии «Абу-Симбел».

— Змеи не очень-то и вредны, — продолжил Камински, — они поедают паразитов. Знаю по собственному опыту. — Заметив скептический взгляд шведа, он добавил: — От змей всегда можно защититься, а вот от крыс, мышей и мангустов — едва ли. Их становится все больше и больше.

Он взял свое пиво, наполовину опустошил бокал и огляделся.

— И всегда здесь так? — спросил Камински, кивнув в сторону других столиков.

Заведение было забито до отказа. Над квадратными железными столами повис гул иностранной речи — немецкой, английской, французской, итальянской, шведской и арабской. Большинство посетителей были мужчины, но, осмот-

ревшись повнимательней, Камински заметил и женщин. Они были одеты так же, как и мужчины: брюки цвета хаки и такие же рубашки.

— Погодите немного, — ответил Лундхольм. — В девять придет Нагла, вот тогда начнется настоящее веселье.

— Кто такая Нагла?

— Хозяйка этого казино. Приезжает из Асуана. А как стало известно, что в молодые годы она лучше всех в Египте исполняла танец живота, мужчины ей проходу не дают.

— И что?

— Нагла, конечно, не первой молодости, но мордашкой может посоперничать с двадцатилетней. Кроме того, у нее такие формы... — Он поднял вверх указательный палец и мечтательно прищурил глаза. — С тех пор Нагла выступает здесь каждую неделю. Ты ее еще увидишь.

Одноэтажное казино, формой напоминающее подкову, называли здесь также ярмаркой или клубом. Оно было выстроено на горе, возвышающейся над долиной Нила, и обращено на юг. Днем отсюда открывался захватывающий вид на Нубию. Но сейчас, ночью, казалось, что казино падает в бездонную черную дыру, и от этого становилось не по себе.

Обычным рабочим, которых было около тысячи, казино было не по карману. Те, кто пил здесь пиво или виски, возглавляли проект и жили всего в нескольких шагах отсюда в поселке *Contractor's Colony*, раскинувшемся вдоль дороги Хонимун-роуд, или Соуна-роуд. Здесь они зарабатывали свои десять тысяч марок в месяц.

Десять тысяч — сумасшедшие деньги. Это послужило причиной того, что многие добровольно приехали на работу в Абу-Симбел, но все иллюзии рассеялись через два-три года.

— Эй, Рогалла!

Лундхольм помахал высокому тощему мужчине, который вошел в казино в сопровождении девушки. На долговязом

был облегающий льняной жилет, придававший ему определенную элегантность. Девушка же, напротив, уделяла своему внешнему виду мало внимания. Она была одета в широкий выцветший комбинезон, темные волосы завязаны в узел на затылке. Очки в роговой оправе придавали ей неприступный вид.

— Я вас познакомлю, — сказал Лундхольм после того, как парочка подошла к столу, — Артур Камински, компания «Хохтиф», Эссен. Специалист вместо Мессланга. А это Иштван Рогалла, археолог, и Маргарет Беккер, его ассистентка.

Камински пожал обоим руки, и Лундхольм с насмешкой добавил:

— Должен заметить, что все археологи, которые здесь шныряют, — наши враги. Они только злят нас. Думают, что мы можем построить свою работу так, чтобы не упустить ни единой археологической мелочи. Но это же, черт возьми, невозможно!

Рогалла через силу улыбнулся, Маргарет Беккер вообще не подала виду, что что-то слышала.

— Ну, мы уж как-нибудь поладим, — ободряюще ответил Камински.

Рогалла кивнул и заказал пиво у официанта в длинном белом фартуке.

— Вам то же? — обратился он к Маргарет.

Это прозвучало несколько неестественно, словно раньше Рогалла обращался к своей ассистентке на «ты». Маргарет согласно кивнула.

— Чем я только не занимался в своей жизни... — начал Камински, чтобы хоть как-то заполнить неприятную паузу. — Но эта затея самая безумная: разобрать храм по кирпичикам, перенести на пару сотен метров и заново собрать!

— Речь идет, скорее, не о том, чтобы разобрать по частям, — произнес Рогалла.

— Что вы имеете в виду?

— Ваша задача немного сложнее. Храм Абу-Симбел представляет собой практически цельную монолитную конструкцию. Как вы знаете, он был высечен в горе или сделан из отдельного куска скалы. И именно это делает его уникальным! Поэтому мы не можем допустить, чтобы храм залило водой!

— Я знаю, — ответил Камински. — И когда же заполнится водохранилище? Я имею в виду, когда уровень воды поднимется настолько, что Нил хлынет через дамбу?

Лундхольм пожал плечами:

— Египтяне и русские до сих пор спорят об этом. Египтяне считают, что это случится в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Русские же называют вполне конкретную дату — первое сентября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Я больше склонен верить русским, чем египтянам. В конце концов, ведь это русские строят плотину.

— Первое сентября шестьдесят шестого? Это же еще целых два года!

— Уже меньше, чем два года! А нам пока не удалось поднять ни одного камня!

Рогалла кивнул.

— И почему же еще не начали работы? — поинтересовался Камински.

— Почему, почему, почему... — раздраженно бросил Лундхольм. — Проклятые почвы! Песок, сплошной песок, и нам крупно везет, если мы натыкаемся на слой песчаника. Для шпунтовых стенок нет опоры. Последние несколько месяцев мы только тем и занимаемся, что отбрасываем песок вокруг храмового комплекса, вместо того чтобы увеличивать высоту дамбы. Уровень воды здесь поднимается все выше. Затопление идет от шестидесяти до ста метров шириной.

— А высота?